

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-654-672

EDN: JIGVMA

Научная статья / Research article

Цифровой имидж и социально-политическая деятельность губернаторов российских регионов в условиях специальной военной операции

А.А. Гнедаш , Е.И. Бирючева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 anna_gnedash@inbox.ru

Аннотация. В условиях активной цифровизации и медиатизации общественной политической жизни общества всё большее значение приобретают цифровые коммуникации между гражданами и представителями власти прежде всего с использованием социальных медиа. Цифровой имидж, а также его позиционирование становятся не второстепенным направлением деятельности политического актора, а основным, поскольку транслируемая ими информация, в том числе социально-политическая, напрямую влияет на восприятие гражданами окружающей действительности. Онлайн-пространство сегодня становится первичной площадкой для функционирования, позиционирования и выстраивания оценки восприятия политических субъектов гражданами — онлайн-пользователями, поскольку интернет-пространство признано в качестве социального института, наделенного всеми институциональными признаками и значениями. Цель данной работы состоит в исследовании имиджа и социально-политической деятельности российских губернаторов, вынужденных действовать в новых кризисных реалиях; в изучении процессов трансформации цифрового имиджа данных глав регионов; в оценке эффективности информационного освещения социально-политической деятельности губернаторов в цифровом пространстве в условиях СВО. Исследование было проведено с использованием следующих методов: контент-анализ, визуальный анализ и лингвистический анализ. Эмпирической базой являются открытые данные восьми Telegram-каналов, принадлежащих российским губернаторам в период 2023 г.: «Настоящий Гладков», «AV БогомаZ», «Гусев», «Вениамин Кондратьев», «Роман Старовойт (эмодзи флага РФ)», «Аксёнов Z 82», «Василий Голубев», «PaZVoжаев», включающих корпус текстов, видео- и фотоматериалов, а также все комментарии и «реакции», содержащиеся в данных аккаунтах за период июнь 2023 г. Основные результаты проведенного исследования заключаются в описании системы цифрового имиджа губернаторов, сталкивающихся с кризисными ситуациями, в определении направлений социально-политической деятельности, которые они продолжают развивать,

© Гнедаш А.А., Бирючева Е.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

несмотря на сложившиеся условия. Описанная исследовательская методика позволила выявить, как губернаторы российских регионов в нестандартных геополитических условиях конструируют свой цифровой имидж, какие социально-политические темы поднимают, как именно взаимодействуют с гражданами и проектируют информационное освещение своей деятельности в социальных медиа.

Ключевые слова: цифровой имидж, российский губернатор, антикризисный менеджмент, социально-политическая деятельность в цифровом пространстве, цифровые коммуникации, условия СВО, регионы с режимом среднего уровня реагирования

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гнедаш А.А., Бирючева Е.И. Цифровой имидж и социально-политическая деятельность губернаторов российских регионов в условиях специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 654–672. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-654-672>

Digital Image and Socio-Political Activities of the Russian Governors in the Context of a Special Military Operation

Anna A. Gnedash , Ekaterina I. Birucheva

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 anna_gnedash@inbox.ru

Abstract. In the context of active digitalization and mediatization of the social and political life of society, digital communications between citizens and government representatives, primarily using social media, are becoming increasingly important. The digital image, as well as its positioning, are becoming not a secondary activity of a political actor, but the main one, since the information they broadcast, including socio-political information, directly affects citizens' perception of the reality. Today, the online space is becoming the primary platform for the functioning, positioning and assessment of the perception of political actors by citizens — online users, since the Internet space is recognized as a social institution endowed with all institutional features and meanings. The purpose of this article is to study the image and socio-political activities of Russian governors who are forced to act in new crisis realities; to study the processes of transformation of the digital image of these heads of regions; in assessing the effectiveness of information coverage of the socio-political activities of governors in the digital space in the conditions of their own. The study was conducted using the following methods: content analysis, visual analysis and linguodiscursive analysis. The empirical base is the open data of eight telegram channels belonging to Russian governors in the period 2023: “Nastoyashchij Gladkov”, “AV BogomaZ”, “Gusev”, “Veniamin Kondratiev”, “Roman Starovoit (emoji of the flag of the Russian Federation)”, “Aksenov Z 82”, “Vasily Golubev”, “Razvozhaev”, including a corpus of texts, video and photographic materials, as well as all comments and “reactions” contained in these accounts for the period June 2023. The main results of the study are to describe the digital image system of governors facing crisis situations, to identify areas of socio-political activity that they continue to develop, despite the prevailing conditions. The described research methodology made it possible to identify how the governors of Russian regions

in non-standard geopolitical conditions construct their digital image, which socio-political topics they raise, how they interact with citizens and design information coverage of their activities in social media.

Keywords: digital image, Russian governors, crisis management, socio-political activity in the digital space, digital communications, conditions of a special military operation, regions with a medium-level response mode

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Gnedash, A.A., & Birucheva, E.I. (2025). Digital image and socio-political activities of the Russian governors in the context of a special military operation. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 654–672. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-654-672>

Введение

По данным компании Mediascope, совокупная аудитория Интернета в 2022 г. составила 81 % населения России старше 12 лет, а в среднем житель нашей страны в этот период тратил на пребывание в сети более 3 ч в день¹. Нельзя не отметить активную цифровизацию и транспонирование окружающей реальности, в том числе и политической, в новое измерение, которое работает иначе, основываясь на своих правилах. Продолжительная вовлеченность граждан в сетевое пространство — это одна из главных причин цифровизации публичной политики и актуальности изучения аспектов цифрового имиджа политических деятелей и представителей власти.

Кроме того, на актуальность изучаемой проблемы указывает внешнеполитический контекст. Кризис — это индикатор, своеобразная «лакмусовая бумага», которая демонстрирует реальные навыки и умения политика как управленца — антикризисного менеджера.

Функции и роли российских губернаторов претерпели серьезные изменения в ответ на современную политическую и социально-экономическую повестку. Прежде всего стоит описать социально-политический контекст — за последние три года страна столкнулась с беспрецедентным количеством кризисных ситуаций. Острый санитарный кризис Covid-19 и его последствия, начало специальной военной операции и введенные в связи с этим санкции, а также объявление в сентябре 2022 г. частичной мобилизации — все эти явления переформатировали контекст регионального управления. В связи с указанными обстоятельствами приобретают важность ответы на следующие исследовательские вопросы: какие деятельностные роли как антикризисного менеджера стали выполнять губернаторы в условиях СВО? Как трансформировался цифровой имидж глав субъектов РФ, находящихся «около и/или на передовой»? Как оценивать эффективность информационного освещения социально-политической деятельности губернаторов в цифровом пространстве в условиях СВО?

¹ Mediascope на Digital Communications Day: как россияне пользуются интернетом. URL: <https://mediascope.net/news/1567182/> (accessed: 12.04.2025).

Теоретико-методологические рамки исследования

Проблематика данного исследования находится на пересечении нескольких предметных полей — антикризисного политического управления, цифрового пространства и особенностей его функционирования в публично-политической среде, а также процессов, связанных с построением, позиционированием и восприятием имиджа государственных субъектов. Отдельно следует выделить степень изученности проблемного поля вокруг процессов, связанных со специальной военной операцией.

Изучены различные модели антикризисных коммуникаций государственных органов, а также выделены и описаны особенности определенных этапов развития различных кризисных коммуникаций: докризисный, начальный, содержательный и посткризисный — в работах Р. Улмера, Т. Селлнау, М. Сиджера [Ulmer, Sellnow, Seeger 2006].

Рассмотрение антикризисного менеджмента, который демонстрируют губернаторы территорий с режимом среднего уровня реагирования, также происходило на основе исследований Х. Саломонсена и П. Харта, интерпретирующих кризис как «окно возможностей» [Salomonsen, Hart 2020].

Не менее значимым сюжетным полем является изучение антикризисных коммуникаций как определяющего компонента системы адаптивного и устойчивого государственного управления, способствующего стрессоустойчивости государства [Kozakov 2021].

Теоретические рамки данного исследования составляют теории политической коммуникации, впервые сформированные и представленные К. Дойчем и Ю. Хабермасом. Но более важен современный опыт развития теорий политических коммуникаций, так как сегодня можно наблюдать тенденции к возрастанию роли технико-информационных средств в организации политической жизни [Habermas 1989]. Особенно это касается появления дополнительных технических возможностей для проведения голосований, повышения роли и значения СМИ в политическом процессе, разрушения многих прежних иерархических связей в государственном управлении, усиления автономности низовых структур управления в государстве и т. д.

Системообразующей также является концепция сетевого общества, предложенная М. Кастельсом. Его позиция заключалась в следующем: роль информации чрезвычайно велика, ее необходимо обрабатывать и эффективно использовать, но вместе с тем информационные технологии и достижения микроэлектронной революции изменили социальную структуру общества, которая теперь преимущественно основана на сетях. Сети имеют собственную внутреннюю структуру, причем власть в сетевых организациях все больше увеличивается и сетевые структуры не только дают возможности для развития, но и выстраивают определенные ограничения для дальнейшего функционирования [Castells 2004].

Переходя к рассмотрению степени изученности такого явления, как «специальная военная операция», необходимо прежде всего обратиться к исследованиям Н.М. Великой и А.А. Зайцевой, которые изучали изменение информационного

пространства под влиянием СВО. Исследователи обратили внимание, что упрощение и однообразие новостной повестки, вытеснение альтернативных точек зрения может вести к тому, что граждане начнут обнаруживать несоответствие реальности и сформированной с помощью СМИ картины дня, что чревато не только отчуждением общества от процесса обсуждения и принятия политических решений, но и угрозой стабильности всей системы [Великая 2023].

Также достаточно активно изучается специальная военная операция как кризис-катализатор, под воздействием которого формируются новые условия стабильности. Профессионализм, порядочность и патриотизм — это концепция «трёх П», которая может обусловить эффективность управления в стрессовых кризисных условиях [Марков 2023]. Вместе с тем исследуется процесс консолидации российского общества вокруг данного кризисного явления [Мерзликин 2022]. Другой важный сюжет состоит в том, что процесс де-консолидации, а также раскола гражданского общества, не только в России, но и во всем мире, удалось преодолеть, повышая информационную грамотность населения [Шушпанова 2022].

Губернатор как антикризисный менеджер: геополитический контекст исследования

После выборов в сентябре 2022 г. обозначился новый этап политической реконфигурации регионального управления, который характеризуется принятием трех ключевых решений:

- 1) вхождение четырех новых регионов в состав субъектов Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область);
- 2) введение военного положения в присоединенных территориях и введение различных режимов реагирования в других субъектах РФ;
- 3) объявление частичной мобилизации, которое становится причиной вовлечения в данную повестку всего общества.

В описанных условиях губернаторы приобрели больше полномочий и рычагов управления кризисными ситуациями, которые со своей спецификой разворачиваются в каждом регионе. Во-первых, главы стали возглавлять призывные комиссии по частичной мобилизации. После соответствующего документа, подписанного Президентом РФ, сразу ряд регионов заявили о готовности решить поставленные главой государства задачи по мобилизационным предприятиям². Во-вторых, опять же вернемся к Указу Президента № 756 от 19 октября 2022 г.: согласно этому нормативно-правовому акту, региональные главы должны были создать оперативные штабы субъектов, куда в числе прочих представителей различных структур должны были также входить и представители

² Интерфакс: Главы ряда регионов ЮФО возглавили призывные комиссии. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/glavy-ryada-regionov-yufo-vozglavili-prizyvnye-komissii>

силовых ведомств. Таким образом, мы видим, что сформировалась уникальная ситуация, когда губернаторы могут оказывать влияние на силовые структуры, поскольку, согласно вышеназванному указу, все решения губернатора в рамках штаба являются обязательными к исполнению — «являются обязательными для исполнения... территориальными органами федеральных органов исполнительной власти». В-третьих, в зависимости от режима реагирования, введенного в регионе, главы наделяются специальными «точечными полномочиями» — они могут формировать отряды территориальной обороны, организовывать охрану объектов критической инфраструктуры и принимать меры по мобилизации экономики³.

Однако указанные выше полномочия хотя и усиливают влияние губернаторов, но также и расширяют зоны их ответственности. Сложившаяся в нынешних реалиях модель позволяет, минуя межведомственные издержки, оперативно и эффективно решать срочные задачи. Но при этом сохраняются вызовы со стороны социально-экономической сферы. И если в вопросах, касающихся безопасности, мобилизации и мер реагирования на внештатные ситуации, главы регионов приобрели значительные полномочия, то в устранении социально-экономических рисков их возможности не столь обширны.

Основные риски в социальной и экономической сферах российского общества вызваны последствиями недавних событий: производственный кризис в части регионов, отток человеческого капитала, снижение экономической активности, дефицит кадров. И для минимизации возникших социально-экономических проблем у губернаторов не так много инструментов и ресурсов.

Губернаторы современной России выполняют роль антикризисного менеджера, курирующего в основной массе вопросы, посвященные безопасности и преодолению формирующихся социально-политических кризисов и их последствий. Российский глава сегодня — это также координатор, который непременно должен достичь KPI, заданные федеральным центром. Основные функции губернатора, как мы уже упоминали выше, в этих специфических условиях связаны с аспектами обеспечения безопасности. Первая функция — это контроль за выполнением норматива по количеству мобилизованных граждан от региона. Вторая — руководство и координация оперативного штаба, отвечающего за решение острых кризисных ситуаций в регионе. Третья функция губернатора — это точечное воздействие — создание территориальной обороны, мобилизация экономики, охрана специальных объектов инфраструктуры. Полномочия российского губернатора в области купирования социально-экономических кризисов существенно ограничены, а имеющиеся инструменты не дают возможностей справиться с теми вызовами, которые стоят перед ними. В этих условиях губернаторам приходится тщательно расставлять приоритеты

³ Указ Президента РФ от 25.08.2023 № 641 «О дополнительных мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455483/ (дата обращения: 05.04.2025).

и становиться антикризисными управленцами не благодаря, а вопреки, и нести ответственность за все возможные последствия принимаемых ими решений в условиях повсеместно нарастающей турбулентности.

Методика и результаты эмпирического исследования

Эмпирической базой описываемого исследования стали открытые данные социальной сети Telegram, аудитория которой за последние два года увеличилась в два раза и достигла 75 млн человек в месяц. На сентябрь 2023 г. среднедневной охват данной социальной сети составил 45,8 % населения нашей страны, увеличившись почти на 10 % за год⁴. Такой рост связан еще и с тем фактом, что наиболее сильный конкурент Telegram — социальная сеть Instagram была признана экстремистской, а ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации⁵. Следовательно, Telegram на сегодняшний день является популярной и востребованной площадкой, куда люди обращаются как в поисках новостной информации, так и развлекательного контента.

Всего было проанализировано восемь Telegram-каналов по числу субъектов РФ, которые отражены в Указе Президента РФ⁶ как «регионы среднего уровня реагирования»: «Настоящий Гладков»⁷, «AV БогомаZ»⁸, «Гусев»⁹, «Вениамин Кондратьев»¹⁰, «Роман Старовойт»¹¹, «Аксёнов Z 82»¹², «Василий Голубев»¹³, «PaZВожаев»¹⁴.

Эмпирическая база исследования: текстовый контент 8 Telegram-каналов за период с 1 по 30 июня 2023 г. Этот временной отрезок был выбран

⁴ Tgstat: исследование аудитории Telegram 2023. URL: <https://tgstat.ru/research-2023> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵ РБК: В России признали экстремистскими и запретили Facebook и Instagram. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab?from=copy> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶ Российская газета: Путин ввел режим «среднего уровня реагирования» в восьми регионах России. URL: <https://rg.ru/2022/10/19/putin-vvel-rezhim-srednego-urovnia-reagirovaniia-v-osmi-regionah-rossii.html> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Настоящий Гладков // Официальный Telegram-канал Губернатора Белгородской области. URL: <https://t.me/vvgladkov> (дата обращения: 05.04.2025).

⁸ AV БогомаZ. URL: <https://t.me/avbogomaz> (дата обращения: 05.04.2025).

⁹ Гусев: официальный Telegram-канал губернатора Воронежской области Александра Гусева. URL: https://t.me/gusev_36 (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁰ Вениамин Кондратьев: Официальный Telegram-канал Губернатора Краснодарского края. URL: <https://t.me/kondratyevvi> (дата обращения: 05.04.2025).

¹¹ Роман Старовойт // Официальный Telegram-канал губернатора Курской области. URL: https://t.me/gubernator_46 (дата обращения: 05.04.2025).

¹² Аксёнов Z 82 // Официальный Telegram-канал Главы Республики Крым. URL: <https://t.me/Aksenov82> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³ Василий Голубев // Губернатор Ростовской области. URL: https://t.me/golubev_vu

¹⁴ PaZВожаев // Официальный канал губернатора Севастополя Михаила Развожаева. URL: <https://t.me/razvozhaev> (дата обращения: 05.04.2025).

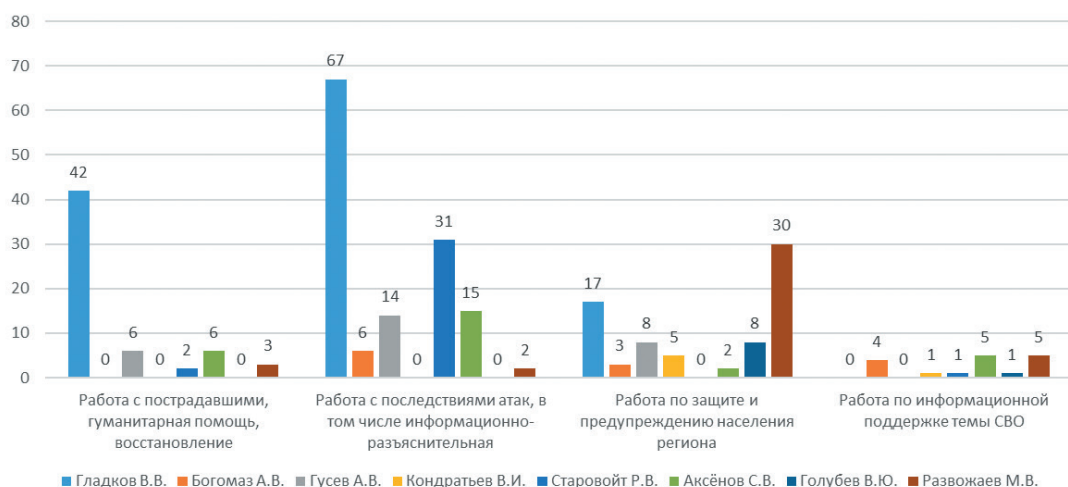
по следующим причинам: во-первых, прошел определенный период после начала СВО, который позволил этой теме встроиться в постоянную политическую повестку; во-вторых, в июне 2023 г. произошло несколько событий, непосредственно связанных с СВО, поэтому представилась возможность изучить, как информационный фон от таких происшествий повлияет на стратегию поведения губернаторов в цифровом пространстве. Такими значимыми событиями в контексте данного исследования являются разрушение Каховской ГЭС, которое произошло в ночь на 6 июня 2023 г. и мятеж ЧВК «Вагнер», случившийся 23–24 июня 2023 года.

Исследование было проведено с использованием следующих методов: сплошная выгрузка данных, предобработка данных, сетевой анализ, контент-анализ, визуальный анализ и лингводискурсивный анализ

Собранный эмпирический контент (публикации), которые каким-либо образом затрагивали дискурс специальной военной операции, были поделены на четыре категории (рис.):

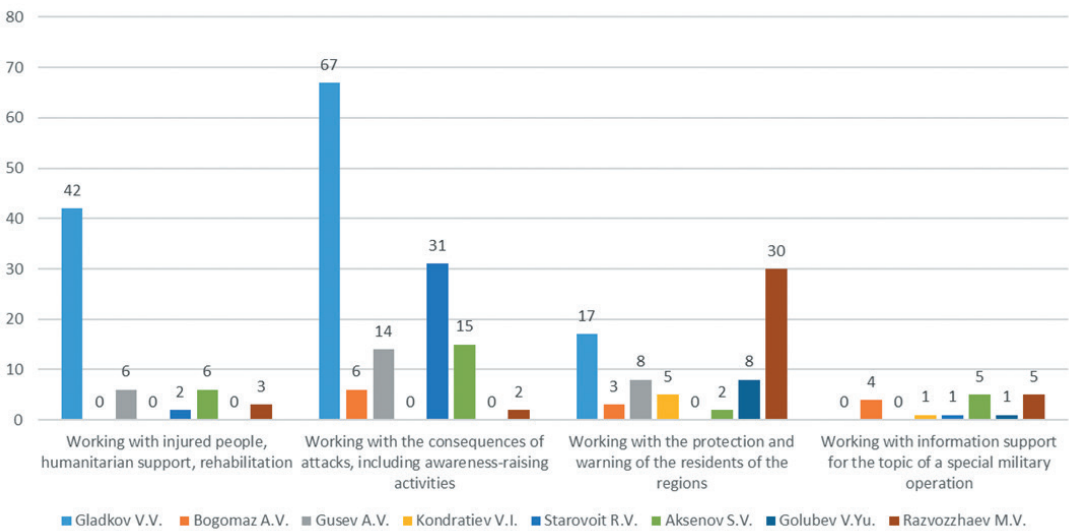
- 1) работа с пострадавшими непосредственно, сюда также было включено обеспечение гуманитарной помощью и освещение вопросов восстановления материальных объектов после разрушений;
- 2) работа с последствиями атак, в том числе информационно-разъяснительная;
- 3) работа по защите и предупреждению населения региона;
- 4) работа по информационной поддержке темы СВО.

Отметим, что последнюю категорию можно выявить не у всех губернаторов и в ее рамках мы рассматриваем публикации, которые связаны с СВО, но не вписываются ни в одну из первых трех категорий. Например, трансляция встречи президента с военными корреспондентами или новость о том, что отдельным полкам присвоены почетные наименования.

Тематика публикаций губернаторов по темам, связанным с СВО

Источник: составлено А.А. Гнедаш и Е.И. Бирючевой по данным исследования.

The subject of the governors’ publications on topics related to SMO
Source: compiled by A.A. Gnedash and E.I. Birucheva based on research data.

В Telegram-канале главы Белгородской области Валерия Гладкова в 2023 г. сложилась целостная «фронтовая хроника», опирающаяся на строгую регулярность публикаций и продуманную речевую экономию. Из шестидесяти семи сообщений почти половина — ежедневные оперативные сводки, которые выходили с почти метрономической точностью и имели устойчивый макет. Сначала перечислялись муниципалитеты в алфавитном порядке, затем лаконично фиксировались виды обстрелов и их последствия. Такая алфавитная верстка преднамеренно устраняла любые инсинуации о том, что одни территории получают больше внимания, чем другие, и одновременно придавала тексту вид «протокольной таблицы».

Ключевой лексический прием — бинарная связка «к счастью» и «к сожалению» — стал мгновенным маркером наличия или отсутствия пострадавших. Одно-двухсловная формула экономила когнитивные ресурсы аудитории: еще до того, как читатель вникнет в детали, он уже знает, повышать ли внутренний уровень тревожности. Если речь в постах шла о ранениях, губернатор указывал зону поражения и тип боевого воздействия, демонстрируя готовность называть вещи своими именами. Текст, благодаря такой «холодной конкретике», субъективно воспринимался как достоверный инженерный отчет, а не как политическое заявление.

Эта подчеркнутая фактичность сочеталась с тщательно дозированной эмпатией. Гладков регулярно называл точное число жителей, остающихся в наиболее уязвимых районах, приводил короткие истории людей, отказавшихся покидать дома, появлялся в пунктах временного размещения и публиковал видеоролики оттуда. Таким образом, в жесткую канву статистических данных вставляются «человеческие» вкрапления, которые корректно сигнализируют о его личной вовлеченности, не скатываясь к патетике. Это прием «встроенной

эмпатии»: эмоциональное послание интегрируется внутрь безупречно выстроенной информационной рутины и не разрушает ее структурной строгости.

Такой тандем «точного хроникера» и «заботливого собеседника» порождает высокий уровень доверия, но несет и риск привыкания: регулярность и однотипность сообщений способны притупить чувствительность аудитории, если эскалация действительно усилится. Тем не менее при интенсивности угроз в 2023 г. выбранная стратегия обеспечивала Белгородской области виртуальное «информационное убежище», где люди получали проверенную минимально-необходимую информацию и одновременно ощущали присутствие неравнодушного лидера.

Коммуникационный стиль губернатора Брянской области Александра Богомаза в 2023 г. обозначим как «рационально-диспетчерский». Его канал почти полностью был лишен визуальных новаторств: не было «кружочков», видеоконтента, а сопровождающие фотографии выглядели как иллюстрации к протокольным новостям. Тексты были подчинены жесткому шаблону, который условно можно свести к четырем последовательным элементам: место происшествия, характер повреждений, информация о пострадавших, статус работы экстренных служб. Описательная часть строилась преимущественно безличными или пассивными конструкциями: *«повреждены линии электропередачи»*, *«ведутся восстановительные работы»*, — что выводило самого губернатора из фокуса и превращало его в модератора процессов, а не героя повествования.

Показательно, что эмоциональные маркеры времени (*«немедленно»*, *«срочно»*, *«прямо сейчас»*) употреблялись редко. Такая темпоральная нейтральность намеренно снижает драматизм и удерживает публику в состоянии «делового чтения». Когда речь заходил о тематике СВО в широком смысле, акцент автоматически смещался на систему социальной защиты: компенсации семьям, психологическая поддержка, бытовое сопровождение бойцов. То есть Богомаз формировал не фронтовой, а социально-государственный фрейм: важен не сам удар, а то, как эффективно институты рассеивают его последствия внутри гражданской ткани региона.

Из-за умеренной интенсивности обстрелов в Брянской области аудитория объективно меньше нуждалась в постоянной тревожной «военной» риторике. Губернатор, демонстративно избегал эмоциональных всплесков и визуального драматизма, перенаправлял внимание жителей с потенциального страха на процессы постстрессового восстановления, тем самым подкрепляя образ управленца-технократа. Однако такая аскеза может создавать эффект информационной дистанции: граждане видят работающую бюрократию, но могут недополучить ощущение человеческого участия, которое в стрессовой среде зачастую оказывается столь же важным, как и сами меры поддержки.

В совокупности канал Богомаза выступает примером минимизированного эмоционального стиля, противопоставленного фронтовой хронике Белгородчины. Он стирал личностный ракурс, делал ставку на стандартизированную рациональность и социальные гарантии, превращая губернатора из «смотрителя за угрозой» в «менеджера безопасности после угрозы». Этот

нарратив закономерно коррелировал с более спокойной, хотя всё еще приграничной, реальностью Брянской области, но оставлял вопрос: насколько подобный холодный формат способен оперативно включить сочувствие, если атаки усложнятся и населению потребуется не только протокол, но и живое эмоциональное сопровождение.

Telegram-канал губернатора Воронежской области Александра Гусева демонстрировал коммуникационную стратегию, в которой военная тема присутствовала, но была подчинена персоналистскому нарративу «лидер — щит». В каждом сообщении, посвященном атакам или их последствиям, глава области фиксировал факт собственного личного участия: «*прибыл на место*», «*выясняю детали*», «*собираю совещание*», «*ситуацию держу на личном контроле*». Повторяемость этих формул превращала их в ритуальное подтверждение управленческой вовлеченности и, что важно, компенсировало относительную редкость реальных обстрелов: даже скудная информация о происшествии «оживлялась» за счет акцента на фигуре губернатора.

Предупредительная работа строилась главным образом на репостах официального Telegram-канала региона, где уже содержались базовые сведения о тревогах или возможных рисках. Гусев добавлял к таким репостам небольшой собственный комментарий, неизменно завершающийся фразой: «*Ситуация на контроле, доверяйте только проверенным источникам*». По сути, это слоган, задающий каналу порядок интерпретации: власти знают, что происходит, и предписывают аудитории доверять официальной информации. Однообразие финальной формулы работает как психологический якорь, создающий ощущение стабильной процедуры реагирования.

Тематика прямой поддержки СВО проявлялась прежде всего через заботу о семьях военнослужащих. Гусев подчеркнуто обещал, что «*без поддержки не останутся*» те, у кого на фронте погибли или служат родственники. Здесь губернатор выступал в роли медиатора социальных гарантий, а не военного комментатора; внимание переносилось с самой войны на социальное благополучие участников и их близких.

Отдельного упоминания заслуживают публикации о мятеже ЧВК «Вагнер». Их всего пять, но они были насыщены эмоциональным тоном. Кульминацией стал видеоролик, в котором губернатор говорил на повышенных тонах: «*Никакие попытки не смогут сбить нас с курса*». В отличие от текстовых сводок видеоформат позволял Гусеву добавить вербальную и невербальную экспрессию, мгновенно консолидируя лояльную аудиторию вокруг фигуры президента и тем самым универсализируя свою собственную позицию: он не просто администратор региона, а политик, который встроен в общегосударственный вертикальный нарратив.

При этом утилитарные, не связанные с военной тематикой посты — о развитии транспортной инфраструктуры, промышленных парков, социальной сфере — продолжали выходить параллельно. Они усиливали образ «хозяйственника-земляка», который, будучи «одним из своих», защищает регион, но не растворяется в военной повестке. Отказ от упоминания разрушения

Каховской ГЭС иллюстрирует строгий принцип релевантности: тема, не влияющая напрямую на Воронежскую область, исключается, чтобы канал не превращался в хронику внешних катастроф. В итоге формируется сбалансированная модель: губернатор — это и «свой парень», и «первый защитник», и при этом менеджер долгосрочного развития, а военная информация служит лишь критическим тестом на его способность действовать решительно и публично.

Информационная стратегия главы Краснодарского края Вениамина Кондратьева принципиально отличалась от фронтовых губернаторских модулей: в его канале СВО практически отсутствовала как отдельная, системно развернутая тема. Регион был представлен прежде всего как крупный социально-экономический центр и «главный курорт страны»; подавляющее большинство публикаций было посвящено агропромышленному комплексу, строительству, подготовке к туристическому сезону, транспортным развязкам, экспортным проектам. Тем самым канал оформлял «мирный» облик Кубани, дистанцируя аудиторию от хронической тревожности, характерной для приграничных субъектов.

Такой выбор логичен с точки зрения географии: край расположен вне непосредственной зоны интенсивных обстрелов, а реально уязвим только Ейский район, и то эпизодически. Поэтому СВО всплывало лишь фрагментарно и всегда контекстно, словно проверочный сигнал о том, что админресурс способен отреагировать, если угроза станет материальной. Самый яркий пример — пять сообщений, посвященных мятежу ЧВК «Вагнер». Первая реакция Кондратьева: декларация безоговорочной поддержки президента, зафиксированная в те же часы, когда приходили первые тревожные новости. Лишь после этого появилось уточнение о *«стабильности в крае»* и уверенность, что ситуация *«на контроле»*. Структура сообщения демонстрирует приоритетность лояльности федеральному центру, за которой следует обязательная обычная функция регионального лидера — обеспечить гражданам безопасность.

О разрушении Каховской ГЭС Кондратьев не упоминал вовсе. Для аудитории, сфокусированной на экономике, туризме и сельхозповестке, такая деталь могла бы лишь расширить «зону страха» без реального управленческого ресурса в ответ. Выбор молчания здесь соответствует логике «перегородок»: губернатор отсекает темы, не пересекающиеся с жизнью Кубани, чтобы сохранить информационный порядок и позитивную инвестиционно-туристическую идентичность региона.

Визуальный ряд канала также служит этой же цели. Фотоотчеты — это яркие кадры с открытия школ, посевной, выставок, спортобъектов; они формируют у аудитории устойчивый образ надежного «тылового» субъекта федерации, где работа и отдых продолжаются, несмотря ни на что. Военная лексика возникла фактически один раз, и то лишь для обозначения шефства края над новыми территориями, но не развивалась в сюжеты о снабжении или гуманитарной поддержке.

Таким образом, цифровой имидж Кондратьева строится на принципе *«мир востребованнее войны»*. Губернатор позиционировал себя как проводника

«нормальности» и экономического роста, подчеркивая, что истинная роль Краснодарского края в сложной геополитической реальности — быть надежной ресурсной базой государства и оплотом туристической отрасли, а не генератором тревожных новостей. Небольшое число военных публикаций выполняло функцию страховки: при необходимости глава показывает готовность к быстрой мобилизационной реакции, но до тех пор вся энергичная риторика остается в сфере аграрной статистики, развития дорог и рекордов по урожаю, формируя безопасную брендовую «курортность» Кубани от информационного «обстрела».

Коммуникационная манера курского губернатора Романа Старовойта в 2023 г. формировалась на избыточном эмоциональном фоне, который он сознательно капитализировал, превращая собственный канал в «адреналиновую» ленту. Главный эффект достигался прежде всего лексикой. Восклицательные знаки расставлены почти в каждом абзаце, а ключевые обороты: *«Парни, вы лучшие!»*, *«Очередную птичку ВСУ приземлили»* — имитировали дословные реплики радостного очевидца. Такое намеренное непротокольное звучание разрушает привычную вертикаль «сухая власть — рассерженные граждане» и создает ощущение, что глава области говорит с аудиторией «на одной частоте».

При этом за экзальтированной оболочкой пряталась выверенная структура сообщения. В каждом посте сначала шла новость о конкретном инциденте: обнаружение беспилотника, сработавшее ПВО, поврежденный объект. Далее следовал акцент на приоритетах: защита курян, восстановление инфраструктуры, компенсации пострадавшим. И только после этого — эмоциональная «разрядка»: благодарность расчетам, дружеские обращения, словесные «кулачки». Таким образом, Старовойт удерживал двойную оптику: он и «свой парень», и кризис-менеджер, умеющий быстро оформить бюрократические решения.

Особого внимания заслуживает его позиция по мятежу ЧВК «Вагнер». Поддержка федерального центра подчеркивалась безусловно, но губернатор не обесценивал вклад самой ЧВК; напротив, он писал, что *«нельзя умалить заслуги этих ребят»*. Такой баланс демонстрирует прагматичный политический расчет.

В блоке *«защита прав участников СВО»* Старовойт нередко прибегал к практике «публичного суда»: называл полные ФИО человека, укравшего дрова, предназначенные бойцам. Это не столько сигнал правосудия, сколько элемент убеждения: губернатор подтверждает, что любая попытка нажиться на войне будет обнародована и осуждена.

Такая модель коммуникации действительно приближала его к идеалу «отзывчивой власти», но на собственных условиях. Он не столько смягчал тревогу, сколько разделял ее с жителями, превращая эмоцию в основную валюту доверия. Риск стратегии очевиден: постоянная экспрессивность привлекает внимание, и любая более сдержанная реакция может показаться людям неполной или равнодушной.

Глава Крыма Сергей Аксёнов формировал самый «милитаризованный» цифровой портрет из всей восьмерки губернаторов. Его канал — это

медиапространство, в котором гражданская повестка практически полностью была растворена в логике прифронтового тыла. Из пятнадцати тематических публикаций треть была посвящена повреждениям железнодорожных путей: точный километровый пикет, данные о ремонтных бригадах, сроки восстановления. Следующий тематический блок — влияние разрушения Каховской ГЭС. Аксёнов систематически объяснял, какие параметры водозабора, энергоснабжения и орошения могут пострадать, демонстрируя компетенцию в межотраслевой технике безопасности и одновременно подготавливая аудиторию к потенциальному ухудшению условий.

Гуманитарное измерение подавалось через прямые примеры: крымские лагеря принимают детей из Белгородской области; гуманитарная колонна уходит в Херсон. Так губернатор использовал принцип «витринной прозрачности»: сообщал точное количество детей, названия лагерей, объем гуманитарных грузов, закрепляя образ «ответственного тыловики», который распределяет ресурсы в пользу наиболее уязвимых зон.

Что касается общей информационной поддержки СВО, то Аксёнов обращался к ней чаще, чем коллеги: он пересказывал встречи президента с военкорами, упоминал производство беспилотников в крымских ОПК, сообщал о присвоении почетных наименований полкам. В этих сообщениях СВО фигурирует как «большой национальный проект», частью которого Крым является органично и легитимно, а губернатор — проводник фронтовой мифологии в региональную реальность.

На мятёж ЧВК «Вагнер» Аксёнов реагировал минимально: сделал репост видео президента и опубликовал одно предложение поддержки. Отсутствие развернутого комментария рационально: колонна не шла на полуостров, и губернатор избегал давать населению лишнюю пищу для тревожных слухов, чтобы удерживать информационный фокус на прямых военных рисках, а не на политических коллизиях.

Суммарно ключ крымской медиатактики: модель «регион — щит». Угроза внешняя, но реальная; реакции оперативные, но не истеричные; патриотизм подчеркнут, но строго функционален. Так создается образ губернатора-военачальника, который держит под контролем стратегический плацдарм, распределяет гуманитарные потоки и одновременно не дает гражданскому сектору утратить ощущение нормальности. В этом смысле Аксёнов превратил канал в информационный аналог фортификационного сооружения: «бетон» фактов и «броня» патриотической символики, где каждое сообщение — это новая плита оборонительной кладки.

В Telegram-канале ростовского губернатора Василия Голубева военная тема парадоксально отсутствовала там, где ее ждали прежде всего. За весь исследуемый период губернатор не опубликовал ни одной записи о фактических обстрелах или повреждениях, хотя область прилегает к зоне боевых действий и периодически принимает беженцев и транзитные потоки техники. Медиапространство создавалось вокруг подчеркнутого молчания: события есть, но они оказываются «вне кадра». Такой прием формировал своеобразную

«серую зону информационного небытия», в которой угроза словно растворена, а публичную сцену занимают лишь выхолощенные сигналы о «спокойствии и порядке».

Единственное исключение: восемь сообщений, посвященных мятежу ЧВК «Вагнер». Именно Ростов-на-Дону стал эпицентром кризиса, и Голубеву пришлось отреагировать. Однако и здесь он выбрал стратегию формального минимализма. Посты информировали о решениях оперативного штаба: были отменены массовые мероприятия, изменены маршруты транспорта, организована помощь на трассе М-4. Лексика предельно сухая, а в видеообращении глава области не смотрел в камеру и проговаривал формулы поддержки президента без эмоциональных акцентов. Публичная осанка создала впечатление человека, старающегося «не расширять воронку»: каждая лишняя эмоция могла быть расценена как политическая позиция или сигнал паники.

Подобная тактика считается как управленческая «обеззараживающая изоляция». Голубев «вынимал» события из политической повестки дня, чтобы не быть втянутым в дискуссию, где губернаторский мандат не предусматривает силовых решений. Он демонстрировал: его зона ответственности — бытовая безопасность и гражданская защита, а военной ситуацией управляют федеральные структуры. В краткосрочном горизонте такой «деэмоционализированный протокол» снижает риск словесных ошибок и юридических уязвимостей; в долгосрочном же создает опасность репутационного вакуума. Общественность, лишенная официального нарратива об угрозах, может начать заполнять пустоту альтернативными, менее лояльными интерпретациями.

В итоге цифровой образ Голубева складывался из двух слоев. Снаружи: холодная бюрократическая оболочка, где каждая публикация выполняла функцию «минимально достаточного информполя». Внутри: старательная осторожность человека, избравшего стратегию «не ошибается тот, кто ничего не делает» в ущерб публичной харизме и эффекту личного лидерства. Ростовская аудитория получала гарантированно выверенные, но эмоционально обесчелоченные сигналы: регион защищен, решения приняты, лишних слов не будет.

ТГ-канал севастопольского главы Михаила Развожаева, напротив, погружал в оборонительную тематику настолько, насколько это возможно без ежедневных сообщений о прямых ударах. Наибольший массив публикаций был посвящен превентивной коммуникации. Развожаев регулярно предупреждал жителей о «хлопках», которые могли раздаваться из-за тренировок Черноморского флота, будто заранее приучал горожан к акустике милитаризованного порта, снимая у них рефлекторную тревогу. В параллель продвигался чат-бот для сообщений о подозрительных предметах и людях; губернатор подчеркивал, что информация моментально поступает силовикам. Так формируется модель «crowdsourced security»: каждое устройство с интернет-доступом превращается в сенсор городской обороны.

Работа с последствиями атак была выражена прежде всего оценкой рисков от разрушения Каховской ГЭС: гидрологические сценарии, потенциальные угрозы снабжению и экосистеме бухты. Развожаев говорил техническим

языком, детализируя уровни воды, пропускную способность насосных станций, сроки восстановления, тем самым конвертировал народную тревогу в инженерный план действий, переводя эмоцию в алгоритм.

Гуманитарная составляющая звучала через помощь Белгородской области и новым территориям. Грузовые колонны, сбор вещей, питание для детей — каждое действие фиксировалось публично, с конкретикой объема и адресата. Таким образом, оборонительный дискурс переплетался с социальным патернализмом: Севастополь — это и военный узел, и тыловой донор гуманитарной поддержки.

Особую репутационную грань задала политика открытых комментариев. В среде, где большинство приграничных губернаторов отключило обратную связь из-за возможных фейков и острого негатива, Развожаев оставил комментарии доступными. Это жест «публичной уязвимости», который сигнализировал готовность слышать и спорить, а заодно работал как краудсорсинговый барометр: правительство субъекта РФ оперативно считывает тревожные тренды и корректирует риторику.

О мятеже ЧВК «Вагнер» губернатор написал пять раз. Сначала — нейтральный призыв *«не доверять никаким источникам»*; затем, уже после стабилизации: эмоциональное обращение с просьбой к молодым бойцам *«не делать глупостей»* и примкнуть к большинству, поддержавшему президента. Структура реагирования выстроилась по восходящей: от информационной стерильности к точечной эмоциональной мобилизации, что позволило соблюдать и принцип недооповещения во время острой фазы, и требование публичной позиции после ее завершения.

В сумме цифровое лицо Развожаева напоминало логотип, в котором технический круг безопасности опоясывает социальный квадрат заботы. Губернатор одновременно инженер и медиатор: предупреждал о звуке учебных выстрелов, запустил бота-наблюдателя, обсуждает характеристики водохранилищ, публикует имена погибших бойцов, благодарит волонтеров, а в комментариях спорит с критиками. Такая многослойная риторика удерживает баланс между военной дисциплиной и гражданским диалогом, превращая канал в динамичную «панель ситуационной осведомленности», где каждый подписчик — соавтор местной безопасности и свидетель того, что власть остается в разговоре даже во время тревог.

Заключение и основные выводы

По результатам проведенного исследования стало очевидным, что кризисная коммуникация губернаторов — не «единый протокол», а набор адаптивных моделей, которые формируются под давлением трех ключевых переменных: частота прямых атак, психологический запрос аудитории и личный управленческий стиль главы.

Белгород и Курск представляют «передовую» модель. Гладков и Старовойт ежедневно работали с реальным огневым давлением, но реагировали

диаметрально: первый — холодной инженерной хроникой, второй — экспрессивной «солдатской» риторикой. Их общий знаменатель: предельная плотность контента и принцип «сначала факт, потом эмоция». Однако сама эмоция дозируется по-разному: у Гладкова она была встроена между цифрами, у Старовойта — была вынесена на передний план для катарсиса аудитории. Оба, тем не менее, решили центральную социально-политическую задачу – удержали доверие населения в условиях ежедневной угрозы: один через алгоритмическую прозрачность, другой — через ритуал совместного переживания.

Брянск и Воронеж заняли промежуточную позицию «приграничной, но реже атакуемой» территории. Здесь выявились стратегии «диспетчера» (Богомаз) и «личного щита» (Гусев). Богомаз минимизировал эмоциональные маркеры, погружая людей в язык процедур и социальных гарантий, что решило задачу «не накалять там, где нет постоянной эскалации». Гусев, напротив, повысил персональную заметность на фоне редких инцидентов, напоминая аудитории о своей «физической» готовности встать между угрозой и населением. Обе траектории показывают, что при невысокой интенсивности риска губернатор может позволить себе выбрать: либо «охладить» политическую повестку дня, либо, наоборот, нарастить персональный капитал, не превращая канал в военную хронику.

Краснодар и Ростов продемонстрировали две версии «большого южного тыла». Во внешне мирном Краснодаре Кондратьев сознательно демилитаризовал канал, укрепляя экономический и курортный бренд края; коммуникационная стратегия была направлена на сохранение инвестиционной и туристической привлекательности. Ростовский Голубев, оказавшись в эпицентре мятежа ЧВК «Вагнер», выбрал противоположное средство: резкое сужение публичных сообщений и почти полное молчание об опасностях. Оба кейса иллюстрируют, что отсутствие регулярных обстрелов еще не гарантирует коммуникационного спокойствия: руководитель либо заполняет повестку позитивом, либо «закрывает клапан» информации, чтобы не усилить риски.

Крым и Севастополь сформировали особый кластер «военного тыла с фронтовым духом». Аксёнов выстроил канал как витрину милитаризации территории, совмещая отчет об инцидентах с демонстрацией оборонно-промышленного потенциала; Развожаев, напротив, сконцентрировался на превентивной безопасности и открытом диалоге, превращая жителей в со-охранителей города через инструменты краудсорсинга. Оба сформировали образ «плацдарма, который держит удар», но разными способами: Аксёнов через фронтовую символику, Развожаев посредством технологии публичной вовлеченности.

Таким образом, единица измерения эффективности кризисной коммуникации для губернатора — это не столько количество упоминаний СВО, сколько точность соответствия тональности реальному уровню опасности и социально-психологическому запросу региона. Там, где угрозы частые, стратегия строится на стабильной ритмике и прозрачности; где угрозы эпизодические — на выборе между «консервацией тревоги» и капитализацией личного лидерства; где

угрозы косвенные — на защите экономического имиджа или удержании информационного баланса молчанием.

В результате мы вывели восемь разных «кризисных диалектов», каждый из которых одновременно решил две задачи: оперативно снизил неопределенность «сегодняшнего дня» и сконструировал политическую репутацию губернатора в долгосрочном горизонте. Различие форм не отменяет общего принципа: в условиях СВО цифровая площадка главы субъекта РФ становится не просто медиаканалом, а инструментом социально-политического управления риском, где точность дозы информации равноценна точности артиллерийского расчета.

Поступила в редакцию / Received: 16.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Великая Н.М., Зайцева А.А. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // *Caucasian Science Bridge*. 2023. № 5(4). С. 160–172. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16> EDN: WYPMGS
- Марков А.А., Марков Ал.А., Краснова Г.В. Критерии социальной стабилизации в кризисные и чрезвычайные периоды // *Известия СПбГЭУ*. 2023. № 3 (141). С. 137–143.
- Мерзлякин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // *Наука. Культура. Общество*. 2022. № 4. С. 85–95. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7> EDN: UAVMUP
- Шушпанова И.С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // *Наука. Культура. Общество*. 2022. № 4. С. 97–107. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8> EDN: KARUHB
- Castells M. *Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society*. E.: U-Factory, 2004.
- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, 1989. 301 p.
- Kozakov V., Kovalenko N., Golub V., Kozryieva N., Shchur N., Shoiko V. Adaptation of the Public Administration System to Global Risks // *Journal of Management Information and Decision Sciences*. 2021. Vol. 24, no. 2. P. 1–8.
- Salomonsen H.H., Hart P. *Communicating and Managing Crisis in The World of Politics* // *Crisis Communication (Handbooks of Communication Science, Vol. 23)* / ed. by F. Frandsen, W. Johansen. 1 ed. Berlin : Mouton de Gruyter, 2020.
- Ulmer R., Sellnow T., Seeger M. *Effective crisis communication: moving from crisis to opportunity*. Thousand Oaks, CA : Sage, 2006.

References

- Castells, M. (2004). *Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society*. A. Matveyev (Transl.), V. Kharitonov (Ed.). Ekaterinburg: U-Factory, 328 p. (In Russian).
- Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge. 301 p.

- Kozakov, V. Kovalenko, N., Golub, V., Kozyrieva, N., Shchur, N., & Shoiko, V. (2021). Adaptation of the Public Administration System to Global Risks. *Journal of Management Information and Decision Sciences*, 24(2), 1–8.
- Markov, A.A., Markov, A.A., & Krasnova, G.V. (2023). Criteria for social stabilization during crisis and emergency periods. *Izvestiya SPbGEU*, (3), 137–143. (In Russian).
- Merzlikin, N.V., & Ivanov, A.V. (2022). Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Science. Culture. Society*, 28(4), 85–96. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>
- Salomonsen, H.H., & Hart, P. (2020). Communicating and Managing Crisis in The World of Politics. In: F. Frandsen, W. Johansen (Eds.), *Crisis Communication (Handbooks of Communication Science, (vol. 23.)1 ed.* Berlin: Mouton de Gruyter.
- Shushpanova, I.S. (2022). Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis. *Science. Culture. Society*, 28(4), 97–108. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8>
- Ulmer, R., Sellnow, T., & Seeger, M. (2006). *Effective crisis communication: moving from crisis to opportunity*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Velikaya, N.M., & Zaitseva, A.A. (2023). Representation of a special military operation in print media in the context of consolidation of Russian society. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 160–172. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16>

Сведения об авторах:

Гнедаш Анна Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: anna_gnedash@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-3516-107X)

Бирючева Екатерина Ильинична — преподаватель кафедры политологии и политического управления, соискатель кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: biriu4yova.ek@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-4094-3989)

About the authors:

Anna A. Gnedash — PhD of Political Science, Associate Professor of the Department of State Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: anna_gnedash@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-3516-107X)

Ekaterina I. Birucheva — Lecturer of the Department of Political Science and Political Management, External PhD student at the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: biriu4yova.ek@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-4094-3989)